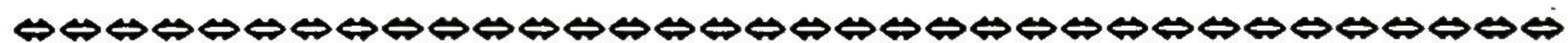

Бахтиноведение

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК И ТВОРЧЕСТВО М. М. БАХТИНА

Р. И. АЛЕКСАНДРОВА, доктор философских наук

Начало XX столетия породило явление, которое стало обозначаться коротким понятием „серебряный век“ С ним ассоциируется расцвет духовной культуры конца XIX — начала XX века, результаты которого в литературе, живописи, театральном искусстве, музыке, философии, религиозной мысли так высоко ценятся и поныне. В последние годы появились работы, авторы которых справедливо отмечают задержки „... нашей встречи с серебряным веком в России“ [12, с. 3]. Что касается философии, то для нее это был „золотой век“ Множество журналов начиная со специально-ведомственных и до различных литературно-общественных не избегали философских статей, рецензий, заметок. Создавались философские общества, устраивались дискуссии, популярными были

лекции. Как пишет А. А. Ермичев, «был не только „шум“ вокруг философии, но и подлинный расцвет ее, обретение ею какой-то особой содержательности, явившейся перед читателем множеством имен, тем и решений» [7, с. 6].

Духовный ресурс богатейшего наследия данной эпохи предстоит еще осмысливать не одному поколению. Здесь нужны соблюдение чувства меры, последовательности, понимание широкого культурно-исторического контекста, в котором данное явление возникло, глубинных смыслов, которые оказывали и оказывают влияние по сей день. Н. Бердяев констатировал: „Только жившие в то время знают, какой творческий подъем был у нас пережит, какое влияние духа охватило русские души“ [4, с. 237]. Он же подчеркивал

© Р. И. Александрова, 1997

значимость философии в разломы истории, осмысления тех духовных процессов, которые происходят в бурные периоды жизни как отдельного человека, так и всего общества. И „...подлинный философ, мыслитель не может оставаться книжным, кабинетным человеком, далеким от запросов самой жизни“ [3, с. 64].

М. Бахтин не был кабинетным ученым, чиновником от науки. Он говорил о себе: „Я — философ, Я — мыслитель“ [5, с. 42]. Его творчество может быть анализируемо именно в пространстве богатейших идей „духовного ренессанса“ России начала XX века. Для отечественных мыслителей этой эпохи ключевым понятием становится „личность“. Именно ее анализ составляет главное содержание работ Н. Бердяева, С. Франка, П. Новгородцева, П. Струве, И. Ильина, Н. Лосского, Л. Шестова, П. Флоренского, С. Гессена и многих других. По сути дела, речь шла о двух концепциях личности, о двух подходах к установлению взаимоотношений между личностями, к созданию условий для их развития. Популярной в марксистских кругах была теория личности, где определяющей идеей являлся приоритет материальных потребностей над духовными. Отсюда и доктрина утилитаризма, прагматизма, рационализма. Другая концепция акцентировала внимание на духовной сущности человека и его свободе, творчестве. С. Франк писал: „В нашем философско-политическом мировоззрении мы исходим из идеи личности как носителя и творца духовных ценностей, осуществление которых в общественно-исторической жизни образует содержание культуры и есть высшая и последняя задача политического строительства“ [14, с. 69].

Духовное обаяние трудов М. Бахтина объясняется многими обстоятельствами. Одно из них — именно заинтересованное отношение к человеку, к его телесной, духовной, душевной организации. Отсюда и проблема „Я“ и „чужое сознание“, когда смысл „моего“ бытия может быть реализован через восприятие бытия „другого“. Именно

здесь можно обнаружить его глубинное вхождение в философскую традицию „серебряного века“. Собственно, совершенно упускается из поля зрения тот факт, что в России в начале XX века серьезно занимались изучением чужого сознания, чужой душевной, духовной жизни. Речь идет прежде всего о А. Введенском, И. Лапшине, Н. Лосском, Д. Менделееве, С. Франке.

Анализ творчества Бахтина в связи с культурными традициями начала века имеет значимость еще и потому, что сегодня как никогда необходима философия. Тем более — разработка фундаментальных проблем и популяризация достижений отечественной и мировой философской мысли. В нашей стране образовался идеологический вакуум, и он должен быть заполнен „настоящей“ философией. Следует помнить о том, что в течение длительного времени среди технической и творческой интеллигенции формировалось презрение к данной сфере культуры вследствие засилия диалектического и исторического материализма, гонений на идеализм. И потому важно преодоление подобного стереотипа мышления. Думается, что творческое наследие Бахтина в аспекте духовных исканий начала XX века может сыграть значительную роль в процессе преодоления этого презрения и формирования у молодежи интереса к философии как знанию о подлинных проблемах жизни.

Когда речь идет о живом интересе к философской проблематике в духовном ренессансе России, то, на наш взгляд, следует вести речь и о „первой философии“, нравственной философии, к которой тяготел Бахтин в 20-е годы в Невеле, Витебске, Петрограде. Именно в начале века появилась многочисленная литература по методологии, теории и практике этического знания. Философское осмысление его было заботой не только философов, но и писателей, поэтов, публицистов. Так, известный тогда в России и на Западе философ, психолог Л. М. Лопатин писал: „...теперь нет ни одного выдающегося мыслителя, который в той или другой форме не пробовал бы пролить

новый свет на решение великой проблемы нравственности“ [9, с. 61]. Не менее популярный в те годы историк философии В. М. Хвостов обращал внимание на значимость темы, связанной с личностью, ее индивидуальными особенностями, которая не может быть решена вне нравственных ценностей [15, с. 342].

Думается, что значимость русского „серебряного века“ еще и в том, что часть интеллигенции осознала ущербность, утопичность, вульгарность материалистического, позитивистского мировоззрения, нравственную несостоятельность марксистской идеологии и реальность религиозных ценностей. И потому представляет научный интерес вопрос о соотношении этических идей Бахтина и современного ему направления западноевропейской, как и российской, этической мысли. Важен и учет истории нравственной философии, особенностей ее теоретических основ, которые были обобщены Вл. Соловьевым в работе „Оправдание добра. Нравственная философия“. Это фундаментальное исследование не только поднимало новую проблематику, но и задавало иной масштаб видения личности, мира. Под его воздействием шло развитие неоиdealистической концепции философии вообще в творчестве таких участников духовного ренессанса, изгнанных из России, как С. Франк, С. Булгаков, В. Зеньковский, Н. Бердяев, Н. Лосский, И. Лапшин и др. Два последних были учителями Бахтина наравне с А. Введенским по Петроградскому университету. Все они никогда не забывали о благотворном влиянии европейской мысли на русскую философию. Бахтин признавал также достижение „...современной философии в области методологии отдельных областей культуры. Можно и должно признать, что в области своих специальных задач современная философия (особенно неокантианство) достигла очевидных высот и сумела наконец выработать совершенно научные методы (чего не сумел сделать позитивизм во всех своих видах, включая сюда и прагматизм)“ [2, с. 96].

В то же время, как справедливо подчеркивает В. Кожин со ссылкой на западных исследователей, „новаторская деятельность Бахтина связана как раз с тем обстоятельством, что он значительно перерос свое кантианское происхождение“ [5, с. 277]. Мы неоднократно выражали свою оппозицию тем бахтиноведам, которые относят Бахтина к западной философии [1, с. 54 — 60]. Более того, мы не разделяем мнения исследователей, однозначно относящих тех или иных мыслителей России либо к западникам, либо к славянофилам. К примеру, С. Франк, П. Новгородцев, П. Струве, П. Яковенко, о которых привычно пишут как о либералах-западниках, так и не приняли ценностей западной культуры. Верно отметил С. С. Хоружий, что культура „серебряного века“ не просто отражала извечный конфликт Востока и Запада, славянофильской и западнической установок, а „...в немалой степени сумела осуществить сочетание и сотрудничество, синергию соперничавших установок и благодаря этому явило собою новый культурный феномен, даже культурный тип — некий духовный Восток-Запад, или Восток и Запад одновременно“ [16, с. 7].

Американский исследователь русской философии Р. Э. Пул вообще отрицает правомерность традиционного отнесения к западной философии, в особенности к неокантианству, таких мыслителей, как А. Введенский, П. Струве, С. Гессен, П. Яковенко. Он пишет, что „неокантианство было всего лишь одним из воспринятых ими влияний“ [11, с. 70]. Об этом же свидетельствовал и участник непосредственных дискуссий между журналами „Путь“ и „Логос“ в начале века Ф. А. Степун. Первый был центром идеологии славянофильства. О себе же и своих единомышленниках автор пишет как о „выучениках“ немецких университетов, которые „вернулись в Россию с горячей мечтой послужить делу русской философии. Понимая философию как верховную науку, в последнем счете существенно единую во

всех ее эпохальных и национальных разновидностях, мы естественно должны были с самого начала попасть в оппозицию к тому доминировавшему в Москве течению мысли, которое, недолюбливая сложные отвлеченно-методологические исследования, рассматривало философию как некое сверхнаучное, главным образом религиозное исповедничество“ [13, с. 97].

„Логосовцы“ религию и церковь воспринимали как проблемы культуры, „путьцы“ же культуру во всех ее проявлениях, в особенности мораль, эстетику, рассматривали внутрицерковной тематикой. Это выступало исходной сущностью всех расхождений между двумя видными изданиями. В то же время их расхождения были и моментом единства, поскольку, согласно герменевтическому диалогу Бахтина, спор „Пути“ и „Логоса“ — это диалог настоящего и прошлого внутри одной и той же культуры, ориентированной на нравственные ценности, на творческие поиски новых их критериев, на удержание тех, что прошли испытание в течение длительного времени.

Новаторство Бахтина относительно этики несомненно. Прежде всего присутствует стремление связать ее с каждым даже самым обыденным моментом в жизни человека. Поэтому в философской терминологии и появилась такая категория, как „событие бытия“. Верно подчеркивает С. Г. Бочаров, что бытие — это не отвлеченное понятие, «...но живое событие взаимодействия моей единственной, изнутри переживаемой жизни с подобными же экзистенциальными мирами других людей, событие, в котором осуществляются не только наши индивидуальные события, но и „правда нашего взаимоотношения“» [5, с. 90]. Разве тихая жизнь, скромный поступок не могут быть связаны с моралью? Только ли кризисы, революции порождают этические поступки? Бахтин стремился приблизить этику к индивидуальной жизни человека, к конкретным ситуациям. А здесь теоретизирование мало что может прояснить.

Бахтин развивает идеи нравственной философии в традициях русской культуры, согласно которой природа человека и его дух, душа не могут быть рационализированы. Он протестует против принудительного рационализации сознания. В таком случае не может быть места диалогу, будет господствовать монологизм, ограничивающий жизнь человека рассудочными рамками, распределяющий ее по кодексам, нормам. Бахтин писал, что этика „не есть принцип поступка, а принцип возможного обобщения уже свершенных поступков в их теоретической транскрипции“ [2, с. 102].

Можно сказать, что этика как теоретическое знание обращена в прошлое, принятие этического решения напоминает вынесение судебного приговора. Поэтому критика Бахтиным нормативности, абстрактности этического знания базируется на критике теоретизма вообще. Нравственная же философия в отличие от теоретической сферы духовной культуры включает в себя систему ценностей „неофициальности“, „участного мышления“. На основании этого некоторые исследователи приходят к выводу, что „философия Бахтина есть не онтология, но теория ценностей, весьма редкое явление на русской почве“ [6, с. 93].

Трудно согласиться с подобным утверждением. Известно, что для онтологии в русской философской традиции характерно понятие личности, важнейших ее качеств — деятельности, творчества, отказа от абсолютизации категории сознания, понимаемой в духе классического рационализма, говоря словами Бахтина, „рокового теоретизма“ Это во-первых. Во-вторых, индивидуальный поступок как новая категория философии, вводимая мыслителем, напрямую относится к онтологической проблематике, поскольку имеет „укорененность в бытии“.

Поступок есть онтологическая и метафизическая категория. Каждый поступок — продукт целого человека, и уже тем самым фиксируются его онтологический и метафизический статусы. Собственно, сами понятия „бытие“,

„поступок“, „участное сознание“ наполнены этическим содержанием и сопряжены с индивидуальной жизнью человека. „Серебряный век“ был обращен к поискам синтеза и единства, в основе которого лежало учение Вл. Соловьева о всеединстве. Для Бахтина, как и для абсолютного большинства русских религиозных философов, важнейшей идеей было единство добра, истины и красоты. Истина есть добро, мыслимое человеческим умом, красота есть то же добро и та же истина, телесно воплощенные в живой, конкретной форме. Именно так трактует Бахтин понимание эстетики, этики и теоретической философии. Он писал: „...в современной философии замечается некоторый уклон понимать единство сознания и единство бытия как единство некоторой целостности“ [10, с. 248].

Другой аспект анализа творчества Бахтина возникает в связи с проблематикой, ориентированной на поиски новых смыслов. Не случайно это понятие — одно из любимых у него. И поэтому муки рождения понимания „поступающего сознания“, отличного от кантовской традиции, новое осмысление науки, искусства, истории, социальной и нравственной ответственности, поступка как изобретения мысли связаны с формированием некоей единой культурно-исторической пара-

дигмы. Она предстает инвариантом официально признанным формам философских систем, которые игнорируют предельные основания индивидуально-го бытия человека.

Бахтин четко заявил о значимости гуманитарных наук, не противопоставляя их естественным и техническим. Ныне эта проблема приобрела широкий резонанс. Известный психолог В. П. Зинченко усматривает прямую связь между учением Вл. Соловьева и его последователей о всеединстве человеческого знания с учением Бахтина о значимости гуманитаризации, гуманизации культуры вообще [8, с. 36]. Жизнь подтверждает идею Бахтина о том, что специфические методы гуманитарного знания своим основанием имеют нравственные ценности и особую методологию: индивидуализацию, интерпретацию текстов, понимание их, т. е. то, что составляет связь времен, поколений, жизнь в „большом пространстве“, „большом времени“.

Можно было бы и далее продолжать анализ взаимосвязи творчества Бахтина с новаторскими идеями мыслителей духовного ренессанса России начала XX века. Но и вышеизложенное позволяет сказать, что он должен быть признан подлинным философом, мыслителем, равным среди равных, достойным продолжателем богатейшего наследия „серебряного века“.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александрова Р. И. Нравственная философия и творческое наследие М. М. Бахтина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1995. 176 с.
2. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984 — 1985. М., 1986. С. 8 — 160.
3. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Париж, 1939. 280 с.
4. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философия русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 5 — 43.
5. Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М.: Изд. группа „Прогресс“, 1996. 342 с.
6. Бонеецкая Н. К. Бахтин и традиции русской философии // Вопр. филос. 1993. № 1. С. 83 — 93.
7. Ермичев А. А. С. Л. Франк — философ русского мировоззрения // Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 5 — 36.
8. Зинченко В. П. Наука — неотъемлемая часть культуры? // Вопр. филос. 1990. № 1. С. 36 — 50.
9. Лопатин Л. М. Положение эстетической задачи в русской философии // Вопр. филос. и психол. 1890. Кн. 2. С. 60 — 75.
10. Примечания к „Автору и герою“ Продолжение // Бахтинология: Исслед. Перев. Публ. СПб., 1995. С. 248 — 287.
11. Пул Р. Э. Русская диалектика между неоидеализмом и утопизмом // Вопр. филос. 1995. № 1. С. 70 — 94.
12. Серебряный век в России. М.: Радуга, 1993. 338 с.
13. Степун Ф. А. Россия накануне 1914 года // Вопр. филос. 1992. № 9. С. 85 — 120.
14. Франк С. Л. Политика и идеи: (О программе „Полярной звезды“) // Соч. М., 1990. С. 67 — 76.

15. Хвостов В. М. Науки об общем и науки об индивидуальном // Вопр. филос. и психол. 1910. № 5 — 6. С. 340 — 367.

16. Хоружий С. С. Вступительная статья // Религиозно-философские сочинения Л. П. Карсавина. М., 1992. С. XVII — XXIV.